

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ТИХОНОВА

CENTRAL ASIA IN N.S. TIKHONOV'S LITERARY WORKS

КЯМРАН КЯЗИМОВ

ABSTRACT. Middle Asia holds an honorable place in the literary activity of N.S. Tikhonov, the Russian poet of the 20th century. The interest in the East brought Tikhonov to Inner Asia. With great mastership Tikhonov glorifies in his works the life, customs and the traditions of the people of Central Asia, especially those of Turkmenistan.

Кямран Кязимов, Ленкоранский государственный университет, Ленкоран – Азербайджан.

Восток со своей древней цивилизацией издревле привлекал внимание видных литературных деятелей всего мира, в том числе русских писателей XX века. Одним из таких видных деятелей русской литературы прошлого века был Николай Семенович Тихонов. Начиная с детских лет, Н. Тихонов на протяжении всего творчества занимался темой Востока. Как и многие другие писатели Тихонов объездил восточные республики бывшего Советского Союза. На темы Востока появились десятки произведений писателя-поэта. Среди этих произведений есть и книга *Пути Востока*. Один из этих путей приводил Тихонова в Среднюю Азию. После двух поездок в этот удивительный край, а точнее в Туркмению были написаны множество произведений, посвященные благотворным переменам в жизни народов Средней Азии.

После первой поездки в 1926 г. Тихоновым в Туркмению, были написаны стихотворения *Приглашение к путешествию*, *Фининспектор в Бухаре*, *Шакал*, *Полустанок в пустыне Каракумы*, *Тигринный чай*, *В открытом море*, а после второй (в 1930 г.) – *Ворота в Гаудана*, *Люди Ширама*, *Искатели воды*, *Ущелье Ай-Дэрэ*, *Подражание туркменскому*, а также, книга рассказов *Рискованный человек* и книга очерков *Кочевники*.

Произведения Тихонова о Средней Азии привлекли внимание особенностями идейно-образного решения проблем. Исследователь творчества Тихонова В.А. Шошин справедливо подчеркивал: „...борьба с экзотическим, олеографическим изображением Востока не понималась Тихоновым упрощенно, как противопоставление условно романтической экзотике трезвого реализма будней”¹.

¹ В.А. Ш о ш и н, *Н.С. Тихонов в литературной критике*. В: *Творчество Н. Тихонова, исследования и сообщения*, Ленинград 1973, с. 24.

Стихотворения, посвященные Средней Азии, впервые были опубликованы во втором томе двухтомного собрания стихотворений поэта, под общим названием *Юрга*².

Обобщая свои путевые наблюдения в этом крае, Тихонов отмечал: „... как мало знали мы у себя на Севере, какими путями идет революция на Востоке, где будут еще величайшие события и пустыни потрясут мир откровениями”³.

Известно, что Н. Тихонов творил в период существования социалистического строя в бывшем СССР и не случайно, что его произведения, особенно, те, которые посвящены Средней Азии, рассказывают о социалистическом переустройстве в республиках Советского Востока. Несмотря на это, оставаясь в кругу достоверных фактов, поэт вводит в туркменские стихи новые, далеко идущие ассоциации и связи. Точность поэтического видения, верность идейной позиции позволяют художнику раскрывать глубокий смысл повседневных событий:

Если б был азиатом я, шел из Мешхеда,
Из Келата на север бежал
От смертельных хозяев, от рабства, от бреда
Нищеты, от кнута, от ножа⁴.

Или:

Нет в пустыне такого Востока,
И не стоишь ты, как ни ворчи,
Полотняных сапог Куперштока
И Гуссейнова желтой камчи⁵.

Если в предыдущих стихотворениях, составляющих цикл *Орда* (1919–1921) и *Брага* (1921–1924) характерны образно обобщенные выражение подъема нравственных сил, рожденного революционной перестройкой мира, широты и грандиозности исторических перспектив, то героям *Юрги* свойственны черты, которые еще не были достаточно полно выражены в облике героев *Орды* и *Браги*. Герои *Юрги* отчетливо видят высокую цель, стоящую перед ними.

Я стану волком, пламенем, бедою,
Как астрагал – меня охватит ложь.
Я не хочу! Я сыт своей судьбою,
И я прошу покорно: уничтожь
Сожги мое истасканное тело,
Испепели и острием серпа
Развей меня, чтоб мной не завладела,
Как знаменем твоих врагов, толпа⁶.

² Н.С. Т и х о н о в, *Собрание сочинений в 2-х томах*, т. 2, Москва 1932.

³ Н.С. Т и х о н о в, *Собрание сочинений в 7-и томах*, т. 1, Москва 1973, с. 553.

⁴ Там же, с. 187.

⁵ Там же, с. 188.

⁶ Там же, с. 196.

Этих героев отличают воодушевление и сознательность строителей нового общества.

Эти важнейшие нравственные качества, воплощенные Тихоновым в стихотворениях среднеазиатского цикла – *Искатели воды*, *Люди Ширама*, *Подражание туркменскому*, *Фининспектор в Бухаре* и др., становятся неотъемлемой особенностью людей, несущих новую культуру в самые отдаленные углы и ликвидирующих вековую отсталость и темноту. Эти особенности охарактеризовал Тихонов в своем стихотворении-письме В. Луговскому:

Я слово дал: богатства Копет – Дага
 Стихом не трогать – другу подарить,
 Пусть пишет он, как лом, лопата, драга
 Пришел к го и начали творить.
 Но видел я богатства очень точно,
 Не удержусь – на узкой полосе
 Одной строкой скажу о них заочно,
 Да, я скажу: они прекрасны все⁷.

Как известно, в старину в Туркмении ковры „пелись”, т.е. мастер или мастерица пели, и в зависимости от мелодии, высоты, ритма ковровщицы ткали узор. Создавался синтез мелодии с ковроделием. Рассказывая о туркменских коврах в стихотворении *Старый ковер*, Тихонов сравнивает русское стихосложение с восточными узорами ковроделия. Поэтическое открытие Тихонова в том, что разные стили прославленных туркменских ковров очень точно определяются стихотворными ритмами и образами:

Он повторялся в собственном размахе,
 Ковру Теке он ямбы подарил,
 В узоры Мерва бросил амфибрахий,
 Кизыл-Аяк хореем населил⁸.

Наблюдательность, глубоко сочувственное отношение к народу, помогли Тихонову открыть для себя эту незнакомую и древнюю страну. Бытовые зарисовки поэта отличаются красочностью, тонкостью рисунка, отсутствием экзотических украшений. В стихотворениях цикла *Юрга* сказалось высокое мастерство Тихонова, умение писателя немногословно, точно найденными яркими словами писать картины жизни Туркмении:

Седой туркмен, сожженный солнцем юга,
 Прощается с истертым Омачом:
 Ты отойдешь ненужным гостем в угол.
 Ты, одряхлев, остался ни при чем.
 Тебя почтит ночного ветра скрежет,
 Но шум молвы в другую песнь ушел –

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 196.

Машинный плуг родную землю взрежет
От волн Аму до Каракумских волн⁹.

Исследователи творчества Тихонова отмечают заметное различие между стихами 1926 и 1930 годов. Не исключено, что первая встреча с неведомым краем произвела на поэта сильное впечатление и отлилась в образах, привлекательных своей свежестью. Но первоначальное удивление утрачивается при дальнейшем знакомстве с этим краем, его возмещает пытливое проникновение в жизнь народа, освоение ряда сторон действительности, ранее не схваченных глазом поэта, глубина образов.

Как уже отмечалось, Тихонов второй раз побывал в Туркмении в 1930 году с писательской бригадой, в которую входили Всеволод Иванов, Леонид Леонов, Владимир Луговской, Петр Павленко, Григорий Санников. После этой поездки появилась книга очерков *Кочевники*.

До поездки писательской бригады в Среднюю Азию, быт далекой Туркмении был почти неизвестен широкому читателю, и как справедливо отмечал Тихонов, эта республика была „незаслуженно забыта советской литературой”.

Несмотря на разнообразие материала, эти короткие очерки писателя далеко не исчерпывали возрождающуюся Туркмению. Подробное ознакомление с современным бытом Туркмении было одной из главных задач писательской бригады, исследовавшей эту республику весной тридцатого года XX века.

В этих очерках Тихонов запечатлел замечательные своей новизной важные и характерные события, которые свидетельствовали о радикальных благотворных переменах в жизни народов Средней Азии.

В *Кочевниках* Тихонов выступает не только как искусный художник слова, но и как политик и страстный публицист, поднимающий важные вопросы экономического развития, классовой борьбы и культурного строительства.

Это произведение вполне можно называть поэтическим исследованием Тихонова жизни Туркмении. В этом произведении автор живописует быт, традиции, обычаи туркмен, а также законы шариата, бытовавшие еще в первые годы социалистического строя.

– Что я знаю?! Я советский. Да, но ты меня извини. Я прошу позволения судить их по шариату. Я еще не знаю советских законов...¹⁰.

Тихонов с большой симпатией нарисовал портреты джемшидов, их нравов и интересов. Характерны в этом плане очерки *Джемшидский колхоз*, *Верблюжий бой* и *Ночь в Чимин-и-бите*, которые вошли в книгу *Кочевники*.

Коротко характеризуя книгу *Кочевники*, Тихонов пишет:

Эти очерки, написанные без всякой примеси вымысла, без всякой игры воображения, заключают одни сухие факты...¹¹.

⁹ Там же, с. 195.

¹⁰ Там же, т. 2, с. 8.

¹¹ Там же, с. 6.

Однако эти произведения вполне художественные, богатые яркими образами и красочными эпизодами. Помимо этого, писатель искренно, сдержанно передает образ народностей, живущих в Туркмении:

Они очень красивы, стройны, необыкновенно сильны. Цвет кожи у них темный, лицо суровое и благодарное, нос могуч и широк. Лоб низкий, крепкий. Волосы густые и жесткие, что обличает воинов. Ноги чрезвычайно велики. Когда они ездят в набег, то садятся по двое на верблюда, спина к спине, чтобы озирать окрестности¹².

– так характеризует Тихонов белуджей жителей туркменских степей.

Внешний портрет белуджей дается Тихоновым в полной гармонии с их внутренним миром, главным атрибутом которого выступает вера в Аллаха: „Выше Магомета признают они Пирра-Кишири, выше коего один всемогущий Аллах. Они им клянутся, когда говорят правду, что случается очень редко...”¹³ – пишет Тихонов, тем самым раскрыв внутренний мир белуджей.

В целом книга очерков Н. Тихонова *Кочевники* посвящена строительству новой жизни в Туркмении. Не случайно, что эта книга очерков получила широкое одобрение сразу после выхода в свет. В. Гольцев характеризуя ее отмечает, что очерки Тихонова „воздействуют на психологию читателя гораздо более сильно, чем наше обычные очерки – полезные, дельные, но как-то не запоминающиеся”¹⁴.

А другой знаток Востока И. Бороздин характеризовал очерки как „ярко и интересно написанные”¹⁵. Тем самым автор статьи отмечает некоторые фактические неточности в очерках Н.Тихонова, но можно полагать, что И. Бороздин не учитывал то, что эта была первая поездка тогда еще молодого писателя, на которого этот неведомый край произвел сильное впечатление и отлился в образах, привлекательных своей свежестью. Вполне закономерно, что о центральном цикле *Кочевников* Горький сказал: „Туркменские записи талантливейшего поэта и прозаика Н. Тихонова – это очерк и это подлинное искусство изображения жизни словом”¹⁶.

Как и другие писатели тех времен, Тихонов в нелегких исканиях и раздумьях находил нужные слова, которые принадлежали только ему и вместе с тем, раскрывал то общее, большое и благородное, что входило в жизнь миллионов. Опыт Тихонова свидетельствует и о том, как много надо было приложить усилий для освоения новых возможностей, ставших доступными литературе, которая и подружила его с такими талантливыми и известными литераторами Средней Азии, как Гафур Гулям и Мирзо Турсунзаде.

¹² Там же, с. 18.

¹³ Там же.

¹⁴ В. Г о л ь ц е в, *Статьи и очерки*, Москва 1958, с. 43.

¹⁵ И. Б о р о з д и н, „Красная новь” 1931, № 5–6, с. 237.

¹⁶ М. Г о р ь к и й, *Собрание сочинений в 30-и томах*, т. 24, Москва 1953, с. 256.

Книга очерков *Кочевники* не просто документы минувшего периода о Средней Азии, но и произведения, во многом созвучные нынешним свершениям, способствует укреплению дружбы народов и развитию национальных литератур.